

ЧАСТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«МИНСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ»

ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИЙ

Учебно-методический комплекс

Минск
Изд-во МИУ
2010

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. ФЕНОМЕН ВЕРЫ В ПСИХОЛОГИИ	4
Раздел 2. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ В РАЗЛИЧНЫХ РЕЛИГИЯХ	8
2.1. Представление о душе в анимистических культурах	8
2.2. Представление о человеке в индуизме	21
2.3. Представление о человеке в буддизме	30
2.4. Представление о человеке в даосизме	41
2.5. Представление о человеке в исламе	47
2.6. Представление о человеке в иудаизме	62
2.7. Представление о человеке в христианстве	71
Раздел 3. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВЕРЕ В РАЗЛИЧНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛАХ	87
3.1. Понимание веры в психоаналитической традиции	87
3.2. Понимание веры в аналитической традиции	87
К.Г. Юнга	104
3.3. Биологические основы религии	117
3.4. Советская школа психологии религий	147
Раздел 4. ВЛИЯНИЕ ВЕРЫ НА СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА	169
4.1. Массовые религиозные исчисления и эпидемии	169
4.2. Современные направления в новых религиозных движениях	183
4.3. Особенности социально-психологической зависимости в новых религиозных движениях	191
4.4. Формы психологического воздействия в новых религиозных движениях	191
Литература	194

psychology / Series Editor: M. Argyle. – University of Oxford, 1985. – P. 151–170.

10. Apter, M. Religious states of mind: a reversal theory interpretation / M. Apter // *Advans in the Psychology of Religion / International series in experimental social psychology / Series Editor: M. Argyle. – University of Oxford, 1985. – P. 63–75.*

11. Hay, D. Social anthropology and the psychology of religion / D. Hay // *Advans in the Psychology of Religion / International series in experimental social psychology / Series Editor: M. Argyle. – University of Oxford, 1985. – P. 135–150.*

12. Richardson, J.T. Psychological and psychiatric studies of new religions / J.T. Richardson // *Advans in the Psychology of Religion. / International series in experimental social psychology / Series Editor: M. Argyle. – University of Oxford, 1985. – P. 209–224.*

Раздел 2. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ В РАЗЛИЧНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

2.1. Представление о душе в анимистических культурах

Основоположником анимистической теории происхождения религии является выдающийся английский этнограф, культуролог, исследователь религиозных обрядов и церемоний (Э.Б. Тайлор, 1832–1917).

По определению Э.Б. Тайлора, анимизм – это первобытное представление о душах и духовных сущностях.

Э.Б. Тайлор считал мнение отдельных культурологов, считающих, что в первобытных обществах не имеется религий. Обнаруженными им в самых примитивных обществах верования он считает зачатки религий. Ученый писал, что каждое племя, упоминаемое в истории или известное нам по древним памятникам, безусловно, обладало минимумом религиозности. Верование в духовных существ обнаруживается у всех примитивных обществ, которые удалось узнать ближе.

Зарождение анимистических верований

Э.Б. Тайлор под анимизмом понимает верования племен, стоящих на весьма низких ступенях развития. В последующем эти верования переходят на более высокие уровни, глубоко видоизменяются при переходе к современной культуре. В связи с этим Э.Б. Тайлор делает выводы, что анимизм составляет основу философии не только дикарей, но и цивилизованных народов. И хотя на первый взгляд он представляет как бы простое и бедное определение минимума религии, однако эта практика, необходимая для выживания, является вполне достаточной.

Теория анимизма, по мнению Э.Б. Тайлора, распадается на два главных догмата, составляющих части одного цельного учения.

Первый догмат касается души отдельных существ, способной продолжать существование после смерти или уничтожения тела.

Второй догмат дает представление об остальных духах и мощностях и божествах.

Анимист признает, что духовные существа управляют явлениями материального мира и жизнью человека или влияют на них здесь и за гробом.

Анимисты думают, что духи общаются с людьми и что поступки последних доставляют им радость или неудовольствие. В связи с этим вера в их существование должна привести, рано или поздно, к действительному их почитанию или желанию умиловить.

Таким образом, анимизм в его полном развитии включает верования в управляющие божества и подчиненных им духов, в душу и в будущую жизнь, верования, которые переходят на практике в действительное поклонение.

При этом Э.Б. Тайлор отмечает, что нравственные аспекты, являющиеся весьма важным элементом и самой жизненной ее частью более развитых религий, весьма слабо выражены в анимизме примитивных племен. Это не означает отсутствия у них нравственного чувства или нравственного идеала: и то, и другое есть у них, хотя и не в форме определенных учений, а в виде того традиционного сознания, которое мы называем общественным мнением и которое определяет у нас добро и зло.

Э.Б. Тайлора, как культуролога, интересовал вопрос, почему появились представления о душах и духовных сущностях у примитивных народов. Он выдвигает предположение, что мыслящих

людей, стоящих на низкой ступени культуры, всего более занимали две группы биологических вопросов. Они старались понять:

во-первых, что составляет разницу между живущим и мертвым телом, что составляет причину бодрствования, сна, экстаза, болезни и смерти;

во-вторых, что такое человеческие образы, появляющиеся в снах и видениях.

Наблюдая эти две группы явлений, древние люди, вероятно, прежде всего, сделали само собой напрашивавшееся заключение, что у каждого человека есть жизнь и есть призрак. И то, и другое, видимо, находится в тесной связи с телом: жизнь дает ему возможность чувствовать, мыслить и действовать, а призрак составляет его образ, или второе «я». И то, и другое, таким образом, отделимо от тела: жизнь может уйти из него и оставить его бесчувственным или мертвым, а призрак иногда показывается человеку, находясь вдали от него.

Далее оставалось сделать и второй шаг — соединить жизнь и призрак. Если то и другое присуще телу, почему бы им не быть присущими друг другу, почему бы им не быть проявлениями одной и той же души? Следовательно, их можно рассматривать как связанные между собой явления. В результате и появляется общеизвестное понятие, которое может быть названо призрачной душой, духом-душой.

Понятие о душе в анимизме

Понятие о личной душе, или духе, у примитивных обществ Тайлор определял следующим образом. Душа есть тонкий, неведущий человеческий образ, по своей природе нечто вроде пара, воздуха или тени. Она составляет причину жизни и мысли в том существе, которое одушевляет. Она независимо и нераздельно владеет личным сознанием и волей своего телесного обладателя в прошлом и в настоящем. Она способна покидать тело и переноситься быстро с места на место. Большею частью неосозаемая и невидимая, она обнаруживает также физическую силу и является людям спящим и бодрствующим, преимущественно как фантазм, как призрак, отделенный от тела, но сходный с ним. Она способна входить в тела других людей, животных и даже вещей, овладевать ими и влиять на них.

Э.Б. Тайлор полагает, что это определение является максимально широким и обобщенным, чтобы охарактеризовать многообразие анимистических вероучений у примитивных народов, населяющих Землю.

При этом он отмечает, что первобытный анимизм настолько удовлетворительно объясняет факты, что смог сохраниться в мировоззрениях более развитых исторических культур. Хотя классическая и средневековая философия во многом изменила его, а современная философия обошла с анимизмом более беспощадно, он сохранил много следов своего первоначального характера, что даже в психологии современной цивилизованного мира отчетливо просвечивает на протяжении первобытных времен. Из огромной массы фактов, собранных из наблюдений за жизнью самых разнообразных наиболее отдаленных друг от друга человеческих обществ, можно выдвинуть типичные подробности, позволяющие проследить древнейшее учение о душе, отношения отдельных частей этого учения к целому и процессы отбрасывания, видоизменения или сохранения этих частей при дальнейшем развитии культуры. Э.Б. Тайлор предлагает рассмотреть воззрения примитивных народов о человеческой душе, чтобы понять современные расхожие представления об этом понятии.

Душа как неведущая субстанция. В анимистических учениях дух, или призрак, являющийся спящему или духовидцу, имеет вид тени, и, таким образом, слово «тень» вошло в употребление для выражения души. Так, у тасманийцев одно и то же слово обозначает дух и тень. Индейцы алгонкинского племени называют душу «отахчук», что значит «его тень». На языке кичэ слово «натуб» значит «тень», и «душа». Аравакское «уэха» значит «тень», «душа» и «образ». Абионы употребляют слово «лоакаль» для тени, души, отклика и образа. Зулусы не только употребляют слово «тунзи» как «тень», «дух» и «душа», но думают, что при смерти тень человека покидает известным образом его тело, чтобы сделаться домашним духом. Басуто не только называют душу, остающуюся после смерти, «серити», или тенью, но думают, что, когда человек ходит по берегу реки, крокодил может схватить его тень в воде и втянуть его таким образом в воду. В Старом Калабаре существует такое же отождествление духа с «укпон», или «тенью», потеря которой губительна для человека.

Человеческая душа, по мнению тонганцев, есть более тонкая или воздухообразная часть тела, которая оставляет его внезапно в минуту смерти. Это нечто вроде благоухания и эссенции цветка по отношению к более грубым растительным волокнам. Гренландские духовидцы описывали душу так, как она обыкновенно являлась им в видениях. По их словам, она бледна и нежна, и те, которые стараются схватить ее, не чувствуют ничего, потому что душа не имеет ни мяса, ни костей, ни нервов. Караибы не считают ее настолько невещественной, чтобы быть невидимой, но представляют ее как нечто тонкое и нежное, подобное просветленному телу.

Душа как жизненная функция. В понятие о душе, или духе, вкладываются атрибуты и других жизненных проявлений. Так, караибы, связывая пульсацию сердца с духовными существами и признавая, что душа человека, предназначенная для будущей небесной жизни, живет в сердце, вполне логично употребляют одно и то же слово для обозначения «души, жизни и сердца». Тонганцы полагают, что душа распространена во всем теле, но, главным образом, заключена в сердце. В одном случае туземцы говорили европейцу, что человек, похороненный несколько месяцев тому назад, все еще остается живым. Басуто говорят про умершего человека, что «его сердце ушло», а про выздоравливающего от болезни — что «его сердце вернулось». Это соответствует основным в Старом Свете взглядам на сердце как на главный двигатель жизни, мысли и страсти.

Связь между душой и зрачком признаваемая каренами и папуасами, ярко выражена в еврейской и арабской философии. Для образованного современного человека покажется очень странным верование гвианских индейцев племени макузи, что хотя тело умирает, «человек в наших глазах не умирает, а странствует около». Впрочем, связь между жизнью человека и зрачком глаза известна и у европейского простонародья, которое не без основания видит признак колдовства или приближающейся смерти в исчезновении зрачкового образа в помутившемся глазе больного.

Акт дыхания, столь характерный для высших животных при жизни, прекращение которого совпадает со смертью человека, естественно, отождествлялся с самой жизнью или душой. Лаура

Бриджмен показала свойственным ей поучительным образом аналогию между результатами ограниченности чувств органов и ограниченного цивилизацией умственного развития, когда, в надежде, как бы вынимая что-то изо рта, она сказала: «Мне случилось, что бог взял мое дыхание на небо».

Западные австралийцы употребляют одно и то же слово «вауг», как «дыхание, дух и душа», а в Калифорнии «спиутс» значит: «жизнь, дыхание, душа». Некоторые гренландцы признают в человеке две души, именно его тень и его дыхание. Малайцы говорят, что душа умирающего человека выходит через его ноздри, а яванцы употребляют одно и то же слово «науа» для обозначения «дыхания, жизни и души».

Понятие о душе как дыхании может быть прослежено в семитической и арийской этимологии и доведено, таким образом, до главных источников мировой философии. У евреев «нефеш», дыхание, употребляется для обозначения «жизни, души, ума животного», тогда как «руах» и «нешама» представляют переходное от «дыхания» к «духу». Этим выражениям соответствуют арабские «нефе» и «рух». То же самое встречается в санскритских словах «атман» и «прана», греческих «психе» и «пневма» и в латинских «анимус», «анима», «спиритус». Равным образом славянское «дух» перевело понятие «дыхание» в понятие о «душе, или духе». В диалекте цыган встречается то же слово «дук» со значением «дыхания, души, жизни». Вынесли ли они это слово из Индии как часть своего наследства от арийского языка или усвоили его во время своих странствований по славянским землям — неизвестно. Немецкое «гейст» и английское «гост» имеют, возможно, то же самое первоначальное значение «дыхания».

Множественность души. Э.Б. Тайлор отмечал, что представления о душе связаны с целой массой жизненных проявлений и мыслей. В связи с этим первобытный мыслитель выдвигал предположения, что в человеке заключено множество духов и душ, которым принадлежат различные отправления. У многих диких племен подобные классификации являются вполне развитыми. Так, туземцы островов Фиджи различают «темную душу» человека, или тень, которая идет в Аид, и его «светлую душу», или отражение в воде и зеркале, которое остается там, где он умирает. Малгаши

говорят, что «сайна», или ум, исчезает при жизни, «айна», или жизнь, превращается в воздух, но «матоатоа», или дух, носится над могилой. В Северной Америке дуализм души составляет очень определенное верование у алгонкинов. Одна душа выходит и видит сны, между тем как другая остается. При смерти одна из двух остается при теле, и ей-то оставшиеся в живых приносят в дар пищу, тогда как другая душа отлетает в страну мертвых. Племя дакота говорит, что у человека четыре души: одна остается в теле, другая — в его селении, третья отлетает в воздух и четвертая — в страну духов. Карены различают «ла», «кела», которые могут быть определены как личные жизненные духи, и «тхах», представляющее ответственную нравственную душу. Учетверение души у кондов заключается в следующем: первая душа переходит в блаженное состояние и возвращается к Бура, великому божеству; вторая остается среди племени кондов на земле и возрождается из поколения в поколение, так что при рождении каждого ребенка жрец спрашивает, который из членов племени вернулся на землю; третья душа отправляется в потустороннее странствование, представляя тело в безжизненном состоянии, и эта-то душа может переходить на время в тигра и в наказание испытывать различные страдания после смерти; четвертая душа умирает вместе с распадением тела. Четыре составные части человека: маны, тень, дух, тень. Они предназначены четырем местам. Тень скроет земля, тень будет витать вокруг могилы, дух (ад) примет манов, дух вознесется к звездам. Древние египтяне выделяли человеческие «ба», «акх», «ка», «кнасе», переводимые как «душа, ум, существование, тень».

Душа и состояние человека. Э.Б. Тайлор делает заключение, что древняя анимистическая теория рассматривает жизнь как действие души и объясняет многие из физических и умственных состояний теорией «отлетания» всей души или некоторых из составляющих ее духов. Эта теория занимает очень значительное и прочное место в биологии диких народов.

Южные австралийцы говорят о человеке, находящемся в бесчувственном или бессознательном состоянии, что он «вильямарраба», т.е. «он без души». Мы слышим у алгонкинских индейцев в Северной Америке, что болезнь происходит от того, что «тень» больного отделена от его тела и что выздоравливающий не должен

подвергать себя опасностям, прежде чем эта тень не утвердилась в нем прочно. Туземцы Фиджи говорят, что, если кто-нибудь умрет или упадет в обморок, его душа может вернуться назад. По понятиям негров Северной Гвинеи умопомешательство происходит от того, что больные преждевременно покинули свою душу, причем удаление ее во время сна бывает только временным. Вот почему в разных странах возвращение потерянной души составляет обычную практику колдунов и жрецов. Индейцы саванн на реке Орегоне смотрят на дух как на нечто отличное от узренного начала и способное покидать тело на короткое время помимо сознания больного. Для избежания вредных последствий дух должен, однако, вернуться как можно скорее. Поэтому знахарь торжественным образом возвращает его через голову пациента.

Туркские или тагарские народы Северной Азии строго придерживаются теории отлетания души при болезни, и у буддийских племен ламы совершают обряд возвращения души с большой торжественностью. Когда у человека его разумная душа похищена каким-нибудь демоном, у него остается только животная душа, его органы чувств и память слабеют, и он начинает хиреть. Тогда-то лама берется вылечить его и специальными обрядами заклинает злого демона. Если заклинание не привело к цели, это значит, что душа больного не хочет или не может вернуться обратно. Больного человека выставляют в лучшем наряде, украшенном всеми его драгоценностями. Друзья и родственники обходят трижды его дом, ласково призывая душу по имени, между тем как лама читает в своей книге описания адских мук и опасностей, грозящих душе, которая добровольно покидает тело. Под конец все собрание объявляет в один голос, что отлетевшая душа вернулась, и больной выздоравливает.

Карены в Бирме бегают вокруг больного, желая поймать его блуждающую душу, «его бабочку», как говорят они, подобно древним грекам и славянам, и наконец, как бы бросают ему ее на голову. Верование каренов в «ла» составляет полную и вполне определенную виталистическую систему. Это «ла», т.е. душа, дух или гений, может быть отделено от тела, которому принадлежит. Вследствие этого карен очень усердно старается удержать его при себе, призывая его, предлагая ему пищу и т.д. Душа выходит и отправляется бродить преимущественно в то время, когда тело спит. Если

она будет задержана дольше известного времени, человек заболит, а если навсегда, то обладатель ее умрет. Когда ви, или знахарь, призывается для возвращения отлетевшей тени, или жизни, карена и не может вернуть ее из области смерти, он иногда схватывает тень живого человека и переносит ее в мертвеца, вследствие чего настоящий обладатель ее, душа которого ушла во время сна, должен заболеть и умереть. Когда же карен начинает болеть, тосковать и хиреть вследствие того, что душа его отлетела, друзья его исполняют специальный обряд над одеждой больного при помощи вареной курицы с рисом и заклинают духа молитвами снова вернуться к больному. Обряд этот связан, быть может, этнологически — хотя трудно сказать, когда и каким образом он распространился, — с обрядом, сохранившимся до сих пор в Китае. Когда китаец лежит при смерти и предполагается, что его душа уже вышла из тела, родственник вешает одежду больного на длинную бамбуковую трость, к которой привязывается иногда белый петух, а жрец в это время закликает отошедшую душу войти в одежду, чтобы возвратиться к больному человеку. Если через какое-то время бамбук начинает медленно поворачиваться в руках держащего, то это значит, что душа вошла в одежду.

Душа и сон. По мнению Э.Б. Тайлора, теория в подобном временном отлетании души сформировала и представления о сне и сновидениях. Некоторые гренландцы полагают, что душа покидает тело ночью и отправляется охотиться, пускаться и посещать друзей. У североамериканских индейцев распространено мнение, что душа спящего оставляет в комнате и ищет предметы, которые для нее привлекательны. Эти предметы должны быть непременно приобретены человеком, когда он проснется, для того чтобы его душа не тосковала или не тревожилась и окончательно не покинула бы тело. Новозеландцы думают, что душа спящего покидает тело и заходит в странствия, даже в область умерших, чтобы побеседовать с друзьями. Тагалы острова Люсона не будят спящего человека, так как предполагается, что его душа отсутствует в это время. Карены принимают сновидения за приключения «кла» во время этих странствований. Северо-американские индейцы полагали, что сон есть посещение души спящего душой того человека или предмета, который является во сне. С другой стороны, они смотрят на сон как на зрелище, представляющее разумной душе, вышедшей для

странствования, тогда как чувствующая душа осталась в теле. На низшей ступени культуры очень часто думают, что душа, покинувшая тело, является во сне другому человеку, который, по выражению оджибве, «видит ее во время сна». Эта же мысль ясно высказывается в веровании фиджийцев в то, что душа живого человека может покинуть тело, чтобы мучить других во сне.

Душа и призрак. Обозревая бесчисленные истории о снах, Тайлор проследил постепенное развитие представлений о призраках. Отношение к видениям соответствует отношению к снам, поскольку с ними связаны первобытные теории о душе. Видя тогда вокруг себя призраки человеческих форм, первобытный человек, как пишет Э.Б. Тайлор, не может не верить своим органам чувств. Таким образом, на низких ступени цивилизации люди всегда верят в объективное существование человеческих призрачных образов, являющихся им в сновидениях, в болезни или при утомлении, под влиянием сильного возбуждения и при употреблении наркотических средств.

Человеческие привидения являются главными из этих фантастических форм. Нет сомнения, что искренние духовидцы описывают духов так, как они действительно являются им, тогда как шарлатаны используют существующие описания. Например, в Западной Африке человеческое «кла», или душа, становится после смерти своего обладателя «сиза», или духом, и может остаться при теле, но бывает видима только колдуну. Иногда призрак обладает характерной особенностью не быть видимым для всех членов собравшегося общества. Туземцы Антильских островов верили, например, что умершие являются человеку на дороге, если он идет один. Далее, у финнов духи умерших видимы только для шаманов, а не для других людей, которым они являются только во сне.

Душа и смерть. Появление бестелесной души во все времена считалось фактом, связанным с отделением души от тела при смерти. Это видно из допущения не только теории привидений, но и особого учения о «смертной тени». Например, карены говорят, что душа человека, явившись после смерти, дает знать об этом событии. В Новой Зеландии считается дурным признаком видеть образ отсутствующей особы, если он неясен и лица его не видно, то следует вскоре ожидать ее смерти. Если же лицо ясно видно, то это значит, что человек уже умер. Небольшая группа маори (из которых один

рассказывал этот случай) сидела однажды вокруг огня. Вдруг является двум из них образ их больного родственника, оставшегося дома. Они вскрикнули, привидение исчезло, но по возвращении их домой оказалось, что больной умер приблизительно во время появления призрака.

Представления о «смертной тени», как пишет Э.Б. Тайлор, имеется и у культурных народов, например, в преданиях христиан, в народных легендах и в современном спиритизме. Святой Антоний видел, будто душа святого Аммония возносится на небо среди хора ангелов в тот самый день, когда святой пустынный умер. Когда накануне светлого воскресенья умирал святой Амвросий, то несколько новокрещенных детей видели будто бы святого епископа и указывали на него родителям, но последние своими менее чистыми глазами не видели этого и т.д. В Силезии и Тироле весьма распространены народные рассказы, в которых дар видеть смертную тень встречается до сих пор в связи с такими подробностями, как, например, похороны, церкви, перекрестки, безголовые привидения, и особенно в канун Нового года.

Людам мало убеждения, что смерть возвращает душу к свободному и деятельному существованию. Они совершают логично стараются помочь природе, принося жертвоприношения и освобождая души. Таким образом, возникает один из наиболее распространенных, определенных и понятных обрядов анимистической религии — обычай погребальных человеческих жертвоприношений на пользу умершего. Когда знатный человек умирает то, согласно совершенно логичному заключению первобытной философии, души его слуг, рабов, детей, жен, убитых при его погребении, должны следовать за господином и продолжать свою службу ему в будущей жизни. Эти логические выводы нередко заставляли приносить в жертву и сторонних людей для обращения их в то же духовное рабство.

С этим же понятием связан варварский обычай «охоты за головами», бывший столь распространенным у даяков до времени раджи Брука. Они полагали, что обладатель каждой головы, которую они могли добыть, будет служить им в будущем мире, где положение человека будет определяться числом голов, находившихся в его власти в этой жизни. Подкарауливать людей и убивать их из-за головы сделалось национальной забавой у даяков. Труды предводителей племени вадо погребались в неглубокой яме в сидячем

положении и вместе с ними хоронили живыми невольника и невольницу, первого с топором в руке, чтобы рубить дрова для своего господина в царстве мертвых, а невольницу — сидящей на скамье, с головой умершего на коленях.

Арийцы дают поразительные примеры обряда погребальных человеческих жертвоприношений, причем в самой жестокой форме. Предания о них сохранились так в истории, так и в мифах, которые не менее верно передают нравы прошлого. Рассказ о троянских пленниках, поверженных вместе с лошадьми и собаками на погребальном костере Патрокла; об Эридане, бросающей на костер мужа, рассказ о вавилонянах о самоубийстве трех мессенских вдов — служат памятниками этих обрядов у греков. В скандинавских мифах Брунилла сжигается со своим пажом, лошадью и седлом, Брунстийда ложится на костер возле любимого ею Сигурда, мужчины и женщины следуют за ними в подземное царство Галлы. Во времена Цезаря при торжественном погребении сжигали все, что было дорого покойному, — животных, любимых его рабов и клиентов. Древние рассказы о славянском язычестве описывают сжигание умерших с одеждой и оружием, лошадьми и собаками, с верными слугами и женами. По словам святого Бонифация, венды так строго соблюдают супружеские обеты, что жены часто отказываются переживать мужей. Великим уважением пользуется женщина, убивающая себя собственноручно, чтобы быть сожженной на одном костере со своим мужем.

Э.Б. Тайлор отмечает, что этот обряд не слишком резко выретен на самой низшей ступени культуры, но, возникшая при дальнейшем развитии дикарей, получает значительное развитие в период варварства и затем еще продолжает существовать некоторое время.

Э.Б. Тайлор, прослеживая развитие анимистических верований от примитивных — до современных религиозных мировоззрений, отмечает, что анимизм дикарей возникает в результате естественного хода эволюции. Анимизм цивилизованных людей в значительной степени объясняется только как развитый продукт более древней и грубой системы. Учения и обряды цивилизованных народов представляют собой остатки старого среди нового, видоизменение старого ради приспособления его к новому и отбрасывание старого, несовместимого с новым.

Литература

1. Тайлор, Э.Б. Первобытная культура / Э.Б. Тайлор. – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 575 с. (Глава 8. Анимизм).
2. Итс, Р. Шепот Земли и молчание неба / Р. Итс. – М.: Политиздат, 1990. – 318 с.
3. Басилов, В.Н. Избранники духов / В.Н. Басилов. – М.: Политиздат, 1984. – 208 с.
4. Кальвайт, Х. Шаманы, целители, знахари / Х. Кальвайт. – М.: Совершенство, 1998. – 224 с.
5. Смоляк, А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение. (Народы Нижнего Амура) / А.В. Смоляк. – М.: Наука, 1990. – 280 с.
6. Спешаковский, А.Б. Духи, оборотни и божества айнов / А.Б. Спешаковский. – М.: Наука, 1988. – 208 с.
7. Кенин-Лопсан, М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства / М.Б. Кенин-Лопсан. – Новосибирск: Наука, 1987. – 165 с.
8. Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Ленинград: Наука, 1990. – 233 с.
9. Міфалагемы і магія ў беларускім фольклоры. – Мінск: БОФФ, 1997. – 119 с.

Контрольные вопросы

1. Каких два главных догмата, по мнению Э.Б. Тайлора, имеет теория анимизма?
2. Каково содержание первого догмата?
3. Каково содержание второго догмата?
4. Какие верования включает анимизм в его полном развитии?
5. Как Э.Б. Тайлор отвечал на вопрос, почему появились представления о душах и духовных сущностях у примитивных народов?
6. Каково, с точки зрения Э.Б. Тайлора, понятие о личной душе у примитивных обществ?
7. С какими физиологическими процессами примитивные народы связывают душу по данным Э.Б. Тайлора?
8. Что такое призрак с точки зрения анимиста?
9. Как связана душа и смерть в анимистических представлениях?